

УДК 332.1

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ****¹Н.В. Кочетков, ²С.А. Алексеев, ³Ю.С. Сергеева, ⁴В.М. Бахареv**¹ Казанский государственный аграрный университет, Казань, email: nkv_12@mail.ru² Российская инженерная академия менеджмента и агробизнеса, Пушкино, email: tany_1313@mail.ru³ Российская инженерная академия менеджмента и агробизнеса, Пушкино, email: kafedra-upip@mail.ru⁴ Казанский юридический институт МВД РФ, Казань, email: v-baharev61@mail.ru

Аннотация. Развитие информационных систем антикоррупционного контроля становится ключевым направлением укрепления экономической безопасности субъектов РФ, поскольку коррупция повышает транзакционные издержки, ухудшает инвестиционный климат и снижает результативность бюджетных расходов. В статье предложена экономико-институциональная интерпретация эволюции таких систем: от фрагментарной фиксации сведений и разрозненных проверок – к платформенной координации данных и профилактике рисков. Обоснована необходимость архитектуры «федеральный центр–регион», включающей распределение ролей, единые контуры межведомственного обмена и процедуры общественного контроля. Сформулированы перспективные направления развития: данные как инфраструктура доверия, риск-ориентированная координация закупок и доходно-расходных проверок, повышение качества первичных реестров и институционализация обратной связи с обществом.

Ключевые слова: антикоррупционный контроль; информационные системы; экономическая безопасность региона; институциональная экономика; цифровое государство; межведомственный обмен данными; государственные закупки; открытость власти; общественный контроль; риск-ориентированное управление; качество данных; доверие.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INFORMATION SYSTEMS FOR ENSURING ANTI-CORRUPTION CONTROL**¹ N.V. Kochetkov, ² S.A. Alekseev, ³ Yu.S. Sergeeva, ⁴ V.M. Bakharev**¹ Kazan State Agrarian University, Kazan, email: nkv_12@mail.ru² Russian Engineering Academy of Management and Agribusiness, Pushkino, email: tany_1313@mail.ru³ Russian Engineering Academy of Management and Agribusiness, Pushkino, email: kafedra-upip@mail.ru⁴ Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, email: v-baharev61@mail.ru

Abstract. The development of information systems for anti-corruption control is increasingly important for regional economic security, as corruption raises transaction costs, worsens the investment climate, and undermines the efficiency of public spending. This paper provides an institutional-economic interpretation of how such systems evolve from fragmented data recording and ad hoc inspections to platform-based data coordination and risk prevention. A “federal center–region” architecture is substantiated, including role allocation, interoperable interagency data exchange, and public oversight procedures. Key prospects include treating data governance as an infrastructure of trust, deploying risk-oriented coordination in procurement and income–expenditure checks, improving the quality of primary registers, and institutionalizing feedback loops with civil society.

Keywords: anti-corruption control; information systems; regional economic security; institutional economics; digital government; interagency data exchange; public procurement; government transparency; public oversight; risk-oriented governance; data quality; trust.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.11.2025

Дата принятия статьи в печать: 25.12.2025

Введение

Для региональной экономики коррупция не сводится к «этической проблеме» управления. Она действует как механизм перераспределения ренты, создающий квазианалог на инвестиции и предпринимательскую активность, ухудшающий структуру конкуренции и увеличивающий издержки доступа

к государственным услугам и контрактам [1, 2]. На уровне субъекта РФ это проявляется в трёх экономически значимых каналах.

Во-первых, потери эффективности бюджетных расходов: завышение цен и снижение качества при реализации закупок и инфраструктурных проектов, рост стоимости жизненного цикла объектов, смещение приоритетов расходов в пользу «управляемых» статей. Во-вторых, деградация конкурентной среды: ограничение доступа к рынкам контрактов, вытеснение эффективных поставщиков и формирование «закрытых» групп контрагентов, что снижает производительность и инвестиции частного сектора. В-третьих, подрыв доверия к институтам и предсказуемости правил, что особенно критично для регионов со стратегией привлечения инвестиций и развития высокопроизводительных рабочих мест.

Именно поэтому антикоррупционный контроль следует рассматривать как элемент экономической безопасности: он снижает вероятность шоков управляемости (скандалы, срывы проектов, конфликты интересов), стабилизирует бюджетную дисциплину и формирует институциональную среду, в которой долгосрочные решения бизнеса становятся менее рискованными.

Результаты исследования

Российская модель противодействия коррупции основана на закреплённых принципах и требованиях, определяющих «каркас» для цифровых решений: предупреждение коррупции, выявление и пресечение правонарушений, устранение последствий, а также формирование антикоррупционных стандартов поведения в публичной службе [3]. Национальные приоритеты в рассматриваемый период задавались, в частности, Национальным планом противодействия коррупции на 2021–2024 годы, где среди устойчивых линий прослеживаются повышение прозрачности и совершенствование механизмов контроля [4].

Важной вехой институционализации цифрового контура стало создание государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон», ориентированной на информационное обеспечение антикоррупционных процедур и межуровневую координацию [5]. При этом эффективность любой «надсистемы» в антикоррупционной сфере определяется не столько фактом её наличия, сколько качеством сопряжения с первичными источниками данных, регламентами принятия решений и ответственностью субъектов контроля.

Для связки «федеральный центр-регион» критичны три группы правил.

1. Правила данных: какие сведения считаются юридически значимыми, кто отвечает за их актуальность и корректность, как обеспечивается сопоставимость (единые идентификаторы, справочники, форматы).
2. Правила процесса: когда запускается контрольная процедура, какие статусы решений фиксируются, как обеспечивается трассируемость действий.
3. Правила публичности: какие результаты подлежат раскрытию, как обеспечивается доступ общества к информации и возможность обратной связи без разрушения правовых режимов (тайна, персональные данные).

С точки зрения институциональной экономики, информационная система антикоррупционного контроля – это не «ИТ-продукт», а инфраструктура правил, уменьшающая информационную асимметрию и повышающая вероятность обнаружения нарушений. Она влияет на стимулы в модели «принципал-агент» (государство/общество как принципал, должностные лица и контрагенты как агенты) через четыре механизма.

1. Рост неизбежности фиксации событий. Чем больше управленческих действий оставляет формализованный цифровой след (решения, согласования, изменения условий), тем выше ожидаемая стоимость оппортунистического поведения.
2. Снижение стоимости контроля. Автоматизация рутинной сверки сведений и формирование «контрольных сигналов» делают контроль масштабируемым: одна и та же институциональная процедура охватывает больше операций без пропорционального роста штата контролёров.
3. Перенос акцента на профилактику. Когда система способна выявлять зоны повышенного риска до наступления ущерба, управление получает возможность не только «наказывать», но и перенастраивать процессы: менять регламенты, перераспределять полномочия, усиливать внутренний контроль.
4. Расширение круга наблюдателей. Открытость отдельных наборов данных и процедур создаёт эффект внешнего мониторинга (медиа, НКО, экспертные сообщества), снижая вероятность «локального захвата» контроля.

В региональном контексте эти механизмы экономически значимы, поскольку уменьшают вероятность провала бюджетных проектов, снижают «цену входа» в закупки для новых поставщиков и повышают предсказуемость деловой среды.

Практический вызов заключается в том, что коррупционные практики часто лежат на стыке сфер: доходы и расходы должностных лиц, аффилированность контрагентов, распределение субсидий, закупки, имущественные решения. Регион сам по себе не обладает полнотой данных: часть реестров федеральная, часть — муниципальная, часть — ведомственная. Следовательно, перспективы развития ИС антикоррупционного контроля связаны не с «самодостаточностью региональной платформы», а с координационной архитектурой.

Базовая предпосылка такой архитектуры — устойчивый межведомственный обмен данными через федеральные механизмы взаимодействия, включая транспортный контур СМЭВ [6]. Однако экономический эффект возникает только при корректном распределении ролей:

1. Федеральный уровень задаёт стандарты сопоставимости, обеспечивает общесистемные сервисы обмена и типовые регламенты, а также централизует те виды контроля, где требуется сопоставление межрегиональных данных или доступ к федеральным реестрам.

2. Региональный уровень отвечает за встраивание контроля в управленческий цикл региона: закупочные процедуры, кадровые решения, контроль конфликтов интересов в региональных учреждениях, управление региональными инвестиционными проектами.

3. Муниципальный уровень обеспечивает первичную фиксацию данных по части процессов и является критическим «узлом риска» в сферах земле- и имущественных отношений, местных закупок, разрешительных процедур.

Для экономической безопасности региона ключевой вопрос — не максимизация контроля, а минимизация ущерба при сохранении управляемости: система должна снижать вероятность крупных потерь и репутационных шоков, но не блокировать хозяйственные процессы избыточной бюрократией.

Для экономического анализа принципиально, что информационные системы антикоррупционного контроля следует трактовать как институциональную инфраструктуру снижения транзакционных издержек и повышения предсказуемости правил, а не как «дополнительный ИТ-контур» к традиционным проверкам. В типовом регионе коррупционные потери проявляются через ухудшение конкурентной среды, рост издержек участия в бюджетных рынках, удорожание и затягивание контрактов, а также через падение доверия к процедурам распределения ресурсов. Поэтому цифровая трансформация контроля должна оцениваться не по количеству подключённых реестров или числу автоматизированных операций, а по тому, насколько она (i) уменьшает неопределённость и дискрецию в ключевых управленческих узлах, (ii) снижает стоимость наблюдения и доказуемости, (iii) повышает воспроизводимость решений и ограничивает пространство для извлечения ренты.

В связке «федеральный центр-регион» ключевой вопрос эффективности — где создаётся и поддерживается достоверность данных, и кто несёт издержки её воспроизводства. Федеральный контур (включая ГИС «Посейдон» [5]) способен задавать единые правила обмена и форматы, но устойчивый экономический эффект возникает только тогда, когда региональные и муниципальные источники обеспечивают сопоставимость и качество первичных записей. В противном случае цифровизация масштабирует «шум»: растут ложноположительные сигналы, увеличиваются административные издержки проверок, а добросовестные участники несут дополнительные издержки комплаенса. В этой логике развитие аналитических возможностей является, по сути, производной от управляемости данных: переход к data-driven подходам — это решение инвестировать в governance, целостность и контроль качества данных [10], то есть в правила, ответственность и процедуры, делающие сведения пригодными для управленческого и правового применения.

С экономической точки зрения цифровой контур должен усиливать «неизбежность фиксации» управленческих событий и снижать стоимость наблюдения, то есть менять стимулы в модели «принципал-агент». Эмпирические исследования электронного правительства показывают, что развитие e-government связано с улучшением контроля коррупции и даёт экономически значимый эффект [11]. Для региональной практики это означает приоритет стандартизированных цифровых процедур, в которых существенные решения оставляют формализованный след: изменения условий контрактов и сроков, согласование техзаданий и приёмки, перераспределение лимитов, кадровые решения в зонах конфликта интересов, а также связи контрагентов с заказчиками и подрядными цепочками. Чем меньше «ручных исключений» и чем выше воспроизводимость процедур, тем ниже ожидаемая прибыль от оппортунистических стратегий и тем устойчивее институциональная среда для бизнеса.

Отсюда вытекает управленческий приоритет: информационная система должна поддерживать рискориентированную координацию контроля в условиях дефицита проверочных ресурсов, а не имитировать тотальный надзор. Экономический смысл — перераспределить внимание контролёров от массовых низ-

корисковых операций к относительно редким, но потенциально высоко убыточным зонам: закупочные цепочки, конфликты интересов при распределении ресурсов, скрытая аффилированность, повторяемые корректировки условий исполнения, непропорциональные отклонения по срокам и качеству. В рамках двухконтурной логики, обсуждаемой в статье, аналитический контур должен выступать инструментом управленческой «очереди» (приоритизации), тогда как регламентированный контур – обеспечивать юридически значимую проверку и решение. Такая компоновка экономит управленческий ресурс и одновременно повышает вероятность пресечения наиболее вредных практик без раздувания бюрократии.

При этом цифровизация контроля имеет двустороннюю экономику: она снижает ожидаемый ущерб, но может породить новые потери. Во-первых, при расширении контрольных процедур без соразмерности рискам увеличиваются издержки комплаенса бизнеса и органов власти, растут задержки платежей и контрактных решений, ухудшается инвестиционный климат. Во-вторых, возрастает цена ошибок классификации: ложноположительные срабатывания демотивируют добросовестных участников и перегружают проверяющих, тогда как ложноотрицательные – оставляют ущерб без реакции. Следовательно, перспективное развитие ИС должно сопровождаться «экономикой ошибок»: институциональными ограничителями бюрократического разрастания, процедурами верификации сигналов и сохранением возможности оперативного хозяйственного решения там, где риск объективно низок, а потенциальный ущерб ограничен.

Отдельный блок перспектив связан с общественным контролем и управляемой прозрачностью. Для региона открытость части данных и процедур снижает транзакционные издержки доверия: бизнесу проще входить в закупки и оценивать предсказуемость правил, гражданам – контролировать расходование средств, а органам власти – получать внешние сигналы о слабых местах процедур. Исследования подчёркивают, что ИКТ, включая электронное правительство и социальные медиа, способны поддерживать формирование культуры прозрачности и усиливать антикоррупционные эффекты через вовлечение общества и снижение информационной асимметрии [12]. В практическом плане это требует разделения потоков: закрытый контур обеспечивает проверку и защиту данных, а открытый – публикацию агрегированных результатов, типовых нарушений и изменений регламентов в рамках требований доступа к информации [8] и институтов общественного контроля [9]. Такая «управляемая прозрачность» повышает дисциплину институтов, не разрушая правовые режимы и не подменяя контроль политизированными оценками.

Наконец, цифровая трансформация порождает риск «цифровой коррупции» – злоупотреблений внутри самого контрольного контура: неправомерного доступа к сведениям, выборочной «слепоты», манипуляций записями и использования закрытой информации в частных интересах. В экономических терминах это риск обнуления инвестиций в доверие: если формируется ожидание, что цифровая система может быть инструментом давления или извлечения ренты, профилактический эффект падает, а регион возвращается к более дорогим и менее масштабируемым ручным процедурам. Следовательно, перспективы развития ИС должны включать внутренние барьеры и подотчётность самой системы контроля: разграничение полномочий по принципу минимально необходимого доступа, журналирование действий, независимую проверяемость корректировок и управленческий контроль конфликта интересов в пределах базовых антикоррупционных требований [3]. Экономическая цель здесь – удержать эффект снижения транзакционных издержек и сохранить репутационную устойчивость контрольного контура как публичного института.

Экономическая логика подсказывает, что закупки – наиболее «ёмкая» зона для цифрового контроля в регионе: здесь концентрируется значимый объём бюджетных средств, а конкурентные эффекты быстро транслируются в региональные рынки. Нормативный фундамент контрактной системы задаёт требования прозрачности и процедурности [7], что делает закупочные данные естественной основой риск-ориентированного мониторинга.

Перспективное направление – переход от контроля отдельных нарушений к контролю устойчивых паттернов: повторяемости побед, концентрации контрактов, частоты корректировок условий, а также сопоставления закупочной активности с реальными возможностями поставщиков. Важно, что речь идёт не о «замене» правоприменения, а о повышении точности отбора кейсов для проверки и снижении транзакционных затрат контроля.

На уровне региона это может быть оформлено как управленческий цикл:

- 1) планирование закупок и предварительная экспертиза рисков;
- 2) процедурная прозрачность и цифровая трассируемость решений;
- 3) постконтрактный контроль исполнения и качества;
- 4) обратная связь бизнеса и общества о барьерах участия и признаках недобросовестных практик.

Цифровизация антикоррупционного контроля без общественного контура рискует превратиться в «внутриведомственную технику», уязвимую к локальному захвату. Экономически общественный контроль важен как внешний механизм дисциплины: он расширяет наблюдение, повышает цену репутационных потерь и формирует сигнал для инвесторов о предсказуемости институтов.

Здесь значимы две правовые опоры.

Первая – требования к доступу граждан к информации о деятельности органов власти и местного самоуправления, включая размещение информации в сети и предоставление её по запросу [8]. Вторая – институты общественного контроля (общественные советы, общественные проверки и обсуждения, иные формы участия), задающие процедурный каркас общественного мониторинга [9].

Перспективная модель для «типового региона» – не максимальная публичность всех данных (что юридически невозможно и управленчески опасно), а управляемая прозрачность:

- раскрытие агрегированных результатов и типовых нарушений без персонализации;
- публикация данных о закупках и ключевых параметрах реализации проектов;
- публичные отчёты о мерах профилактики и изменениях регламентов;
- защищённые каналы обратной связи (включая работу с сигналами от граждан и организаций), встроенные в управленческий процесс так, чтобы сообщения становились основанием для предварительной оценки, а не инструментом давления.

Главный риск развития антикоррупционных ИС – вера в то, что «больше данных автоматически означает больше контроля». На практике решающим становится качество первичных реестров и правовые режимы доступа: персональные данные, банковская тайна, служебная информация. Эти ограничения нельзя «обойти» технологией – их можно только институционально согласовать через регламенты, полномочия и ответственность.

Отсюда вытекают приоритеты развития:

1. Единая ответственность за качество первичных сведений: если региональные и муниципальные органы выгружают данные в разные контуры, но не несут последствий за ошибки, система превращается в витрину, а не в инструмент контроля.

2. Трассируемость управленческих решений: важно фиксировать не только «факт операции», но и основания принятия решений в пределах допустимого правового режима.

3. Согласование доступа: федеральный уровень должен задавать типовые правовые модели обмена для регионов, иначе каждый субъект вынужден «изобретать» собственные схемы, что создаёт неравномерность контроля и правовую неопределённость.

В экономическом измерении это вопрос эффективности: плохие данные означают рост ложных срабатываний, издержки проверок и падение доверия бизнеса к процедурам.

С учётом изложенного перспективы развития информационных систем антикоррупционного контроля в связке «федеральный центр-регион» можно свести к четырём блокам.

1. Платформенная координация данных и процедур.

Ключевой вектор – не наращивание числа разрозненных ИС, а унификация обмена, форматов и статусов решений. Международная практика подчёркивает: data-driven подход требует инвестиций в управление данными, контроль качества и организационную способность превращать аналитику в управленческие действия [10].

2. Риск-ориентированное управление как экономия ресурсов контроля.

Система должна помогать выбирать «где проверять» и «что менять в регламентах», а не только «кого наказать». В экономической литературе эффект электронного государства в снижении коррупции связывают с ростом прозрачности и снижением возможностей для дискреции при сопоставимом усилении контроля [11].

3. Институционализация прозрачности и общественного участия.

Цифровые каналы открытости (включая социальные медиа и электронные инструменты) могут формировать культуру прозрачности, но только при наличии процедур и доверия к ним [12, 13]. Для региона это означает регулярные публичные отчёты о профилактических мерах, понятные правила обратной связи и развитие механизмов общественного контроля в рамках действующего законодательства [8, 9].

4. Сборка управленческого цикла «предупреждение-контроль-коррекция».

Перспективна модель, в которой результаты контроля прямо конвертируются в изменения регламентов, обучение кадров, корректировку закупочной политики и управление конфликтом интересов. Иными словами, информационная система становится частью регионального управления качеством институтов, а не «надстройкой» над ним.

Выводы

Информационные системы антикоррупционного контроля в ближайшей перспективе следует рассматривать как инфраструктуру экономической безопасности региона в рамках парадигмы «электронного государства»: они уменьшают транзакционные издержки, повышают конкуренцию, укрепляют доверие к институтам и снижают вероятность крупных бюджетных потерь. Их развитие требует смещения фокуса с технологической насыщенности на институциональную состоятельность: качество первичных данных, регламенты межуровневого обмена, распределение ответственности и «управляемую прозрачность» с полноценным общественным контуром. В связке «федеральный центр-регион» наибольший эффект дают платформенная координация данных, риск-ориентированная профилактика и встроенность контроля в управленческий цикл региона.

Литература

1. Shleifer A., Vishny R.W. Corruption // *The Quarterly Journal of Economics*. 1993. Vol. 108 (3). P. 599-617. DOI: 10.2307/2118402 EDN: BPNNTN.
2. Mauro P. Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1995. Vol. 110 (3). P. 681-712. DOI: 10.2307/2946696 EDN: CBQYBF.
3. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.
4. Указ Президента Российской Федерации «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» от 16.08.2021 № 478 // *Собрание законодательства РФ*. 23.08.2021, № 34, ст. 6170.
5. Указ Президента Российской Федерации «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» от 25.04.2022 № 232 // *Собрание законодательства РФ*. 02.05.2022, № 18, ст. 3053.
6. Минцифры России. Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/gu/activity/govservices/1/> (дата обращения: 24.12.2025).
7. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 08.04.2013, № 14, ст. 1652.
8. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 16.02.2009, № 7, ст. 776.
9. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 28.07.2014, № 30 (часть I), ст. 4213.
10. OECD. *Analytics for Integrity: Data-Driven Approaches for Enhancing Corruption and Fraud Risk Assessments*. Paris: OECD Publishing, 2019.
11. Andersen T.B. E-government as an anti-corruption strategy // *Information Economics and Policy*. 2009. Vol. 21(3). P. 201-210. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2008.11.003.
12. Bertot J.C., Jaeger P.T., Grimes J.M. Using ICTs to create a culture of transparency: E-government and social media as openness and anti-corruption tools for societies // *Government Information Quarterly*. 2010. Vol. 27(3). P. 264-271. DOI: 10.1016/j.giq.2010.03.001.
13. Докукин А.В. Повышение качества информационного обеспечения мониторинга правотворчества и правоприменения // *Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования*. 2013. № 6(16). С. 10. EDN: TNYISR.
14. Докукин А.В. Единая информационная система по техническому регулированию с точки зрения концепции электронного государства // *Транспортное дело России*. 2009. № 1. С. 92-94. EDN: JXVHEZ.
15. Алякин А.А., Докукин А.В., Перепелкин И.Б. Функционирование единой информационной системы по техническому регулированию на базе парадигмы электронного государства // *Транспортное дело России*. 2009. № 3. С. 153-155. EDN: KUVBUH.
16. Ломакин М.И., Докукин А.В. Функции единой информационной системы по техническому регулированию в рамках концепции электронного государства // *Перспективы науки*. 2011. № 12(27). С. 230-233. EDN: PBAFMV.
17. Алексеев С.Л., Якушкин Н.М., Аюпов А.А. и др. *Экономико-антикоррупционные проблемы управления финансовой устойчивостью акторов экономики (вопросы теории и практики)*. Казань: Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса, 2025. 208 с. ISBN: 978-5-605-17470-7 EDN: TBSEGU.